

В. А. Гуров
ФРАНКЛИН ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТ
В РОССИЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПАРАДОКСЫ

Союзники желают достичь в конечном счете человеческой свободы — более широкой свободы — политической, духовной и религиозной, а также большей справедливости — экономической и социальной.

Наше время учит нас, что никакая группа людей никогда не может быть достаточно сильной для того, чтобы господствовать над всем миром.

*Из письма Ф. Д. Рузвельта
И. В. Сталину 23 мая 1944 г.*

Одной из главных проблем, связанных с оценками деятельности Ф. Д. Рузвельта в период Второй мировой войны в российской общественной мысли является, конечно, не их контрастность (которая вполне объяснима), но, прежде всего, их относительная скудость и кажущаяся «бесперспективность». Об этом свидетельствует тот факт, что в современной России посвященная Рузвельту научная литература и публицистика представляет собой практически нулевую величину, продолжающую пропорционально уменьшаться по сравнению, например, с неуклонно возрастающим количеством публикаций, посвященных Сталину, не говоря уже о воистину гигантских пластах исследований, до сих пор появляющихся в США и странах Западной Европы. При этом создание различных образов Рузвельта и восприятие политики, проводимой им на протяжении трех с небольшим президентских сроков, в начале XXI в. достигли предельной степени поляризации именно в России — от возвышенной героизации до стремления объявить американского президента военным преступником, над которым необходимо заочно провести «анти-Нюрнберг»¹.

---

¹ См., напр.: Усовский А. В. Военные преступники Черчилль и Рузвельт. Анти-Нюрнберг. М.: «ЯУЗА-ПРЕСС», 2012.

Контрастные исторические характеристики тридцать второго президента США свойственны, впрочем, и американской исторической и политической мысли. Благодаря, прежде всего, Рузвельту тема «президент и война» уже давно стала чрезвычайно популярной среди американских историков и политических публицистов. «Некоторые наши великие американские президенты, — отмечает Уолтер Кронкайт — один из наиболее выдающихся мастеров американской журналистики в XX в. в предисловии к биографии Ф. Д. Рузвельта, написанной А. Олпортом, — имели, возможно, один единственный момент, который преодолевал пропасть между заурядным и исключительным. Другие, возможно, обеспечивали свое величественное место в нашей истории благодаря общей сумме своих свершений. Если спросить — кто были наши самые великие президенты — мы не можем не открыть наш список «отцами-основателями», которые объединили эту нацию и растили ее в трудные годы ее детства. Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Томас Джефферсон и Джеймс Мэдисон выдвинули высокие принципы революции против британской тирании и превратили концепцию демократии в концепцию нации, которая стала маяком надежды для угнетенных народов во всем мире. Почти неизменно мы добавляем в этот список наших президентов военного времени — Авраама Линкольна, возможно, Вудро Вильсона и, конечно, Франклина Делано Рузвельта. Тем не менее существует некая ироническая нить, которая мимолетно выявляется при включении имен этих президентов военного времени. Во многих аспектах их лидерство было усилено тем фактом, что, без всякого противодействия со стороны народа, они приобретали исключительную власть, чтобы одерживать победу над врагами нации (или же, в случае с Линкольном, над южными штатами). Сложности демократических процедур, с помощью которых Конституция Соединенных Штатов обдуманно стремилась предотвратить беспрепятственную концентрацию президентской власти, создавали серьезные затруднения для президентов, которые нуждались в свободе рук, не связанных обременительной бюрократией, т. е. федеральным правительством. Многие в нашей истории написано через долгие годы, прошедшие с тех пор, как сами события имели место. История может быть подправлена более поздним поколением, стремящимся изыскать прецедент для оправда-

ния действия, которое считается необходимым в более поздние времена. В определенном смысле история становится тем, чем определяют ей быть более поздние поколения»².

По иронии судьбы политическая история постоянно и как бы намеренно проверяет на прочность именно войной и институт президентства, и личностные качества практически всех президентов США, выявляя их способность стоять во главе крупнейшей экономической и военной державы современного мира. При этом далеко не каждый лидер оказывается способным пройти такую историческую проверку. Крайне противоречивые оценки войн на Ближнем Востоке, инициированных в периоды правления старшего и младшего Бушей, а также резкая критика, которой подвергается в конгрессе США политика Б. Обамы по вопросам ближневосточного и украинского кризисов, являются весьма наглядными и красноречивыми примерами.

Так или иначе, тема войны на протяжении столетий оказывалась плотно встроенной в постоянно актуализируемую американскими политиками, учеными и философами концепцию мессианской роли США в современном мире, уникальной исторической миссии американской нации и неповторимости накопленного ею опыта конституционного строительства. Разумеется, далеко не всегда мессианское чувство избранности приобретало столь высокую степень интенсивности, которая несколько неожиданно проявилась в заявлениях президента Б. Обамы летом и осенью 2013 г. «В ранний период республики, — отмечал Артур М. Шлезингер-младший, — доминирующей была идея о том, что Америка — это эксперимент, предпринятый вопреки истории, чреватый риском, проблематичный по результатам... Первое поколение независимой Америки, по словам Вудро Вильсона, “смотрело на новое федеральное устройство как на эксперимент и думало, что он, возможно, будет недолговечным”... Эта всепроникающая неуверенность в себе, это острое ощущение ненадежности существования нации подпитывались европейскими оценками американских перспектив, поскольку влиятельные европейцы рассматривали новый мир не как идиллическое воплощение счастья в духе Локка — “вначале

---

² *Allport A. Franklin Delano Roosevelt. Philadelphia: Chelsea House Publishers, 2004. P. 6–7.*

весь мир был Америкой”, — но как зрелище отвратительного вырождения»³.

Драматический, длившийся более десятилетия период президентства Ф. Д. Рузвельта по праву может рассматриваться как доказательство того, что в условиях самого сложного кризиса творческая целеустремленность, политическая воля и талант государственного деятеля способны радикально изменить кажущуюся безнадежной ситуацию и заставить «евроскептиков» не только радикально изменить свой взгляд на перспективы американской истории, но и принять сформулированную Рузвельтом в начальный период мировой войны характеристику США как «великого арсенала демократии»⁴. «Франклин Рузвельт, который занял свой пост в 1933 г. и боролся с наиболее ужасной экономической катастрофой в американской истории, — пишет другой его биограф А. Е. Шрафф, — теперь будет возглавлять свою страну в наиболее опасной войне в человеческой истории. Определенно, это была война на выживание. Никто без внутреннего содрогания не мог себе представить — как возможно жить в мире, управляемом Гитлером. Америка и ее союзники должны были победить»⁵.

В России все эти важнейшие драматические моменты американской и мировой истории на долгие десятилетия оказались загнанными в прокрустово ложе идеологических схем и исторических спекуляций, определяемых логикой псевдомарксистских догм, господствовавших в общественном сознании в советскую эпоху. Постепенное освобождение от них в послеперестроечный период происходило долго и мучительно. А когда оно, наконец, наступило, личность и деятельность Ф. Д. Рузвельта уже стали представлять для отечественных обществоведов и политиков чисто академический интерес или в лучшем случае оказывались предлогом для «эффектных» сравнений и аналогий. Именно в этой перспективе приходится в настоящее время оценивать тексты, собранные в данном издании. Единственным исключением, как это ни парадоксально звучит, является драматическая

---

³ Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. С. 28, 25, 21.

⁴ Allport A. Franklin Delano Roosevelt. P. 63.

⁵ Schraff A. E. Franklin Delano Roosevelt. Saddleback Educational Publishing, 2008. P. 54.

переписка Рузвельта со Сталиным, из которой, на наш взгляд, и сегодня можно извлечь гораздо больше фактов и идей для последующей философско-исторической рефлексии, чем из всех остальных русскоязычных текстов вместе взятых! Разумеется, если исследователь твердо решит для себя руководствоваться известным принципом — *ex ipso fonte bibere*.

В этом плане безусловный парадокс отношений Сталина и Рузвельта состоит, в первую очередь, в том, что, став «безальтернативным» лидером ВКП(б) и одновременно осуществляя практически непосредственное руководство международным коммунистическим движением в рамках Коминтерна, Сталин приложил максимум усилий к тому, чтобы сформировать в российском общественном сознании 1930-х гг. предельно сюрреалистические образы американской политики, оставаясь сам, как выяснилось в дальнейшем, сравнительно мало ими затронут.

Тем не менее приводимые в данном издании коминтерновские материалы, являвшиеся когда-то существенным элементом советского общественного дискурса и политической культуры, безусловно, заслуживают внимания хотя бы потому, что сформировавшиеся в годы сталинского режима пропагандистские стереотипы нельзя и сегодня рассматривать исключительно как достояние истории. Несколько поколений россиян стали свидетелями того, как эти стереотипы вновь ожили в эпоху «перестройки» и постоянно воспроизводились псевдолиберальными апологетами политического режима, сформировавшегося в период президентства Ельцина.

Не следует, однако, считать, что предельная идеологизация политической культуры является в наши дни исключительно достоянием российского дискурса. Например, вопросы, задававшиеся 7 февраля 2015 г. на конференции по безопасности в Мюнхене западными политиками и журналистами министру иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврову в связи с украинским кризисом, по степени идеологической зашоренности и отсутствия здравого смысла превзошли почти все, даже наиболее одиозные, коминтерновские дебаты, включая IX и X пленумы ИККИ (1928–1929), на которых была заложена основа знаменитой концепции «фашизации» буржуазных демократий и социал-демократических партий. Именно в рамках такой перспективы идеологи Коминтерна стали оценивать и «новый курс», провозглашенный Ф. Д. Рузвельтом в свой первый президентский срок.

Вот как, например, представлялась его политика автору передовицы журнала «Коммунистический Интернационал» в 1934 г.: «Мощные классовые бои, потрясшие США за последние месяцы, имеют большое значение для революционного пролетариата всего мира. Мы видим непрерывное нарастание массовых стачечных боев, охвативших почти все районы не только промышленного Севера, но и бывшего рабовладельческого Юга и Запада. Стачечные бои охватили все основные отрасли производства, все важные центры угольных шахт, железных и медных рудников, все крупные автомобильные заводы, некоторые сталелитейные заводы (принятое рабочими всей сталелитейной промышленности решение бастовать было пока сорвано руководством АФТ) и др. <...> В стачках, происходивших со времени проведения рузвельтовской политики восстановления промышленности, принимало участие почти 3 миллиона рабочих — цифра, приближающаяся к самой высокой в истории США стачечной волне 1919 г. По напряженности же, по героической отваге и боевой решимости рабочих эта волна почти не имеет прецедента в истории американского рабочего движения. Эти социальные бои в самом сердце мирового капитализма свидетельствуют о *глубоких сдвигах в рядах рабочего класса*. Вместе с тем эти бои ярко *отражают растущие затруднения буржуазии*, мечущейся в поисках путей к «восстановлению», в поисках выхода из кризиса за счет трудящихся масс. Эти затруднения все более вынуждают буржуазию прибегать к *носящим фашистский характер методам нажима* на рабочий класс и в то же время пользоваться целым рядом демагогических маневров, чтобы не совсем сбросить личину «демократии», прикрывающую непрерывно усиливающиеся атаки монополистического капитала в форме рузвельтовской программы... Рузвельтовский «новый курс» превозносился громко как средство преодоления кризиса путем «планирования» в рамках капитализма и как «гарантия» прав рабочего класса на организацию. В действительности же целью «рузвельтовской революции» была организация в еще большем масштабе чем раньше государственной поддержки капиталистических монополий путем субсидий и регулируемой инфляции, т. е. в обоих случаях за счет трудящихся масс, а также *маскировка процесса фашизации и подготовки империалистической войны* методами социальной демагогии насчет «позабытого человека». Однако это не помешало социал-демократии и профбюрократам в Америке

и в Европе присоединиться к дружному хору буржуазных экономистов, заговоривших о “бескровной революции” в Вашингтоне. Это была лишь новая разновидность все той же теории “американской исключительности”»⁶.

От сторонников коминтерновской линии не отставали и их решительные противники, примкнувшие к троцкистской оппозиции. «Президент Рузвельт, — утверждал автор статьи в «Бюллетене оппозиции», — предостерегал 10 февраля американскую молодежь против радикализма, рекомендуя ей стремиться каждый год хоть немного улучшать существующие учреждения. Такой образ действий был бы, несомненно, самым лучшим, самым выгодным, самым экономным, если бы... он был осуществим. К несчастью “существующие учреждения” во всем мире не улучшаются из года в год, а ухудшаются. Учреждения демократии не совершенствуются, а разлагаются, уступая место фашизму. И это происходит не случайно, не по легкомыслию молодежи. Капиталистические монополии, разорившие промежуточные классы, пожирают демократию. Сами монополии явились плодом частной собственности на средства производства. Частная собственность, бывшая некогда источником прогресса, окончательно пришла в противоречие с новой техникой и является ныне причиной кризисов, войн, национальных преследований и реакционных диктатур. Ликвидация частной собственности на средства производства есть в нашу эпоху центральная историческая задача, которая одна обеспечит рождение нового, более гармоничного общества. Акт рождения, как нас учит повседневное наблюдение, никогда не бывает “постепенным”, а представляет собою биологическую революцию»⁷.

Такого рода аналитические разработки и прогнозы были плохо взаимосвязаны с реальностью и, разумеется, ни в малейшей степени не отражали ни подлинных мотивов экономической политики Рузвельта, ни даже его понимания характера американских рабочих и той роли, которую рабочее движение играло в американской истории и политике. Для того чтобы взглянуть на эти процессы объективно, вовсе не обязательно нужно было

---

⁶ Революционный подъем в Америке // Коммунистический Интернационал. 1934. № 28. С. 4.

⁷ Бюллетень оппозиции. 1940. № 82–83 // <http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/index.shtml>.

родиться американцем. Исторический опыт подтверждает, что политика Рузвельта по отношению к профсоюзам в 1930-е гг. определялась тем же проникновением в специфику психологии американского рабочего класса, какое мы можем найти, например, в работах Макса Вебера начала XX в. «Демократия в Америке, — отмечал Вебер, — основанная на том принципе, что каждые четыре года, когда меняется президент, будут меняться также и 300 000 оставшихся чиновников, которых он назначил, и что каждые четыре года будут переизбраны все губернаторы отдельных штатов, а вместе с ними многие тысячи гражданских служащих — такая демократия движется к своему концу. Это было управление дилетантов, поскольку гражданские служащие, назначенные партией, получали свои должности в соответствии с таким принципом: они обязаны своими местами партии и посты достались им только благодаря ей. Им задавали несколько вопросов относительно их квалификации; экзамены и другие подобные вещи еще до недавнего времени формально были неизвестны американской демократии. Наоборот, зачастую принималась такая точка зрения, что должность должна переходить по кругу от одного к другому при соблюдении до определенного предела ротационного принципа, так чтобы каждый смог бы урвать долю пирога. Я разговаривал об этом с американскими рабочими по разным поводам. Чистокровный американский рабочий-янки находится на высоком уровне заработной платы и образования. Американские рабочие получают больше, чем многие преподаватели американских университетов. Они имеют все внешние атрибуты буржуазного общества: появляются в своих цилиндрах со своими женами, манерам которых, быть может, в чем-то недостает *savoir-faire* и элегантности, но, во всяком случае, они мало в чем уступают всем прочим дамам. В то же время иммигранты из Европы вливаются в низшие классы. Итак, когда я садился в компании с таким рабочим и говорил ему: «Как же вы можете позволить, чтобы вами управляли люди, которые, достигая должности при вашей помощи, естественно, идут на все, чтобы выколотить из своего поста как можно больше денег, поскольку они обязаны своей должностью партии и платят так много из получаемого жалованья партии в виде взносов, а затем должны оставить свой пост через четыре года, не дослужив до пенсии? Как же вы допускаете, чтобы вами управляла продажная публика, известная тем, что она ограбила вас на сотни

миллионов?” Время от времени я обычно получал характерный ответ, который я повторю слово в слово во всей его пикантности: “Это не имеет значения — денег хватает и для воровства и их остается достаточно для заработка остальных, в том числе и для нас. Мы следим за этими ‘профессионалами’, этими гражданскими служащими и мы подозреваем их. Но когда должности займет обученный, квалифицированный класс, как в вашей стране, тогда они ‘положат глаз’ на нас”⁸.

Весьма характерно, что те образцы анализа рабочей политики Рузвельта, которые мы встречаем в работах выдающихся ученых и мыслителей, представлявших эмигрантское направление русской мысли, мало чем отличаются от взглядов М. Вебера, тем самым подтверждая ее жизненность и аутентичность. Приведем лишь один из типичных примеров: «Марксизм, считающий, что либерально-демократическое государство неизбежно *управляется “капиталистами”*, скажет, что такое радикальное ограничение их экономической власти никогда не пройдет в либеральной демократии. Но это опровергается опытом английской демократии, где долгое время управляла и в каждый момент опять может управлять *рабочая партия*. Опровергается также опытом американской демократии, где Рузвельт был избран, несмотря на отчаянное сопротивление мощных капиталистических трестов, и притом был избран четыре раза. И New Deal Рузвельта был направлен против капиталистической олигархии и защищал интересы рабочих. Если американский народ отвергает “социализм”, то вовсе не в силу власти и влияния “капиталистов”, а в силу того, что *рабочие не желают социализма*, что огромное большинство всего народа не желает социализма, считая его авторитарным и антидемократичным. Американский рабочий есть живое опровержение марксизма: самые “сознательные” рабочие самого развитого “капитализма” не признают никакого социализма; но это не значит, что они не признают “хозяйственной демократии”, напротив, они уже осуществляют ее в организации своих мощных рабочих союзов, имеющих огромное влияние в экономике страны. Движение “Human Relations”, возникшее в американском индустриализме, тоже направлено на демократизацию “человеческих отношений” в производстве.

---

⁸ Вебер М. Речь о социализме / Пер. с немец. и ред. В. А. Гуторова // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. Вып. 3. С. 18–19.

Американский народ чувствует, что его экономическая система гораздо более приближается к хозяйственной демократии, нежели любая форма коллективизма, какую мы видели: прибавочная ценность “отнимается” не без согласия рабочих, ибо размеры заработной платы определяются *двусторонним* соглашением организованного “капитала” — с одной стороны, и организованного труда — с другой стороны. При этом организация рабочих настолько мощна и обладает такими капиталами, что может выдерживать огромные забастовки и самым решительным образом влиять на размеры заработной платы; иначе говоря, может ставить свои условия при распределении прибавочного продукта между рабочими, инженерами, директорами и “капиталом”, как фондом накопления»⁹.

Вторая мировая война внесла существенные коррективы во взгляды советских политиков в плане восприятия личности Рузвельта и исторических оценок его деятельности, хотя последние по-прежнему вписывались в традиционную «классовую» парадигму. Немало поучительного в этом отношении можно извлечь, например, из тех характеристик, которые давал Рузвельту А. А. Громыко в своих мемуарах. «В последующем, — писал он, — я не знал ни одного президента Соединенных Штатов, который в этом отношении сравнился бы с Рузвельтом. Отмечу еще одну черту, которую я и сам замечал во время встреч с президентом и о которой мне не раз рассказывали американские деятели, часто общавшиеся с ним. Он не имел манеры употреблять резкие слова по адресу своих собеседников или даже прямых политических противников. Разумеется, это не относилось к деятелям тех стран, с которыми США находились в состоянии войны. В случаях когда возникала такая необходимость, Рузвельт давал простор скорее своей способности ответить оппоненту с юмором. И те, по чьему адресу президент проходил основательно, имели, как говорится, “тот вид”. Юмористические стрелы, выпущенные Рузвельтом, ранили больно. Это качество отмечали даже его политические противники. Следует сказать и о том, как вел себя Рузвельт, участвуя в переговорах, и прежде всего, конечно, на Тегеранской и Крымской конференциях руководителей трех союзных держав — СССР, США и Англии. Основываясь на собственных наблюдениях за президентом во время Крымской

⁹ Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. М., 1995. С. 389.

конференции, должен подчеркнуть, что он проявлял стойкую выдержку, стремился даже в самые напряженные моменты работы этой конференции привносить в атмосферу переговоров нотки примирения и деловитости. В этом смысле американский президент определенно в лучшую сторону отличался от английского премьер-министра Черчилля... По манере ведения дискуссии Рузвельт скорее приближался к Сталину. У последнего слова никогда не обгоняли мысль, чего нельзя сказать о Черчилле, который подчас не мог сладить с эмоциями, давал волю чувствам. В такие моменты президент США пытался разрядить обстановку, примирить спорящих, пуская в оборот соответствующие слова и фразы. Понятно, речь тут не идет о какой-то чрезмерной уступчивости Рузвельта. Он также настойчиво отстаивал интересы США, добивался возможного, но делал это тоньше и тактичнее Черчилля»¹⁰.

Оценивая по достоинству дипломатические качества американского президента, Громько, как и многие другие его предшественники и последователи, в соответствии с традицией, сложившейся в СССР в 1930-е гг., постоянно переводит свой анализ в русло тех «классовых» характеристик, которые нередко препятствовали не столько пониманию природы сложнейших вопросов мировой политики, обсуждавшихся в ходе советско-американских переговоров, сколько полному выяснению отношения к ним самого Рузвельта. «Нелишне напомнить, — отмечает он, — что Рузвельт, как представитель класса буржуазии, выражал, конечно, ее интересы. Однако он принадлежал к тем кругам правящего класса Америки, которые более трезво подходили к оценке международной обстановки и к вопросам развития советско-американских отношений. Ведь это же не простая случайность, что именно при нем в 1933 году Советский Союз и Соединенные Штаты Америки установили дипломатические отношения. То, что Рузвельт сумел в период войны немало сделать для укрепления доверия между Вашингтоном и Москвой, сознавал и ценил гигантский, по его определению, вклад СССР в битву с фашизмом, причем не боясь об этом сказать открыто, лишь подчеркивает его реализм как политического деятеля»¹¹.

---

¹⁰ Громько А. А. Памятное. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 103–104.

¹¹ Там же. С. 104.

Однако реализм и стремление к укреплению доверия, по мысли Громыко, органически включали в себя и тенденцию скрывать от своих партнеров по коалиции некоторые «теневые моменты», определявшие американскую политику даже в самые драматические ее изломы. Именно с этих позиций советский министр иностранных дел оценивал споры по такому важнейшему вопросу, как судьба послевоенной Германии и, в частности, разногласия между Рузвельтом и его министром финансов Генри Моргентау, предложившим в сентябре 1944 г. на 2-й Квебекской конференции свой знаменитый план расчленения Германии и уничтожения ее промышленного и военного потенциала. Судя по сдержанным намекам, содержавшимся в мемуарах Громыко, на позиции президента и его министра прямо или косвенно влияли тесные связи между промышленниками и финансовыми кругами США и Германии, которые они поддерживали даже в годы войны. «Многие факты, — утверждал он, — которые свидетельствовали об этом, выплеснулись на страницы печати сразу же после окончания военных действий и капитуляции Германии. Трудно допустить, чтобы до моего собеседника никаких сведений в этом плане не доходило в годы войны. Но с другой стороны, тайники политики США в военное время оказывались порой настолько труднодоступными, что многие, даже высокопоставленные деятели администрации, не представляли себе масштабов сотрудничества американского и германского капиталов в годы войны. Неудивительно поэтому, что расследование фактов такого сотрудничества, начатое было конгрессом после окончания войны, сразу же было свернуто. Вполне вероятно, что и Моргентау не представлял себе масштабов сотрудничества американских и германских монополий в военное время. По поводу будущего Германии Моргентау рассуждал так:

— Наиболее надежным путем предотвратить агрессию в Европе было бы расчленение Германии и даже переселение определенной части ее населения в иные районы мира, например в Северную Африку.

Правда, каждый раз он делал при этом оговорку:

— Сам президент еще не рассматривал этого плана по существу, хотя и знает, что такие идеи есть.

Моргентау стоял, пожалуй, на самых радикальных позициях в отношении решения судьбы Германии после окончания войны. Однако во что конкретно предстояло вылиться такому решению,

никто до Потсдама точно и авторитетно сказать не мог. Даже Рузвельт не спешил с определением окончательной позиции. Тем более что отнюдь не по всем вопросам, связанным с судьбой побежденного врага, у союзников вырисовывались одинаковые взгляды»¹².

Таким образом, характерный для мемуаров А. А. Громыко «классовый налет» способствовал тому, что открытым оставался вопрос и о причинах, по которым план Morgenthau в конце концов был Рузвельтом отвергнут, и о том — какая из сторон в конечном итоге несет ответственность за расчленение Германии на два самостоятельных государства.

До известной степени инерция такого подхода продолжала сказываться в мемуарной литературе и после того, как необходимость сформировавшихся в коминтерновских текстах пафосных трактовок международных отношений отпала вовсе и причины разногласий между советским и американским руководством можно было вполне прагматически объяснять опираясь как на факты, так и на чисто психологические аспекты восприятия Сталиным и Рузвельтом друг друга. Вот как, например, объяснял в своих мемуарах позиции американского и советского лидеров переводчик Сталина В. М. Бережков: «Администрация Рузвельта руководствовалась формулой, изложенной в заявлении государственного департамента США от 22 июня 1941 г., то есть в день нападения гитлеровской Германии на СССР: “Мы должны последовательно придерживаться линии, согласно которой тот факт, что Советский Союз воюет против Германии, вовсе не означает, что он защищает, борется или придерживается принципов в международных отношениях, которых придерживаемся мы”. В ходе войны Рузвельт весьма дружественно высказывался о Советском Союзе, лично о Сталине. Но тут, думается мне, он лишь отдавал дань союзническим отношениям в рамках антигитлеровской коалиции, героизму Красной Армии, устоявшей под чудовищными ударами гитлеровской военной машины. В то же время президент делал соответствующие выводы из хода боев на советско-германском фронте. Советский народ, продолжая оказывать сопротивление агрессии, доказывал, как полагал Рузвельт, прочность системы. Если она выдержит и сохранится после войны, то не имеет смысла снова пытаться ее

---

¹² Там же. С. 113.

уничтожить. Лучше выработать механизм, который позволил бы капиталистическим странам сосуществовать с Советским Союзом. Все это отнюдь не означало одобрения Рузвельтом советской действительности...»¹³

Сформулировав данные вполне резонные причины, определявшие подход Рузвельта к выстраиванию своих личных отношений к СССР и его политическому лидеру, В. М. Бережков как бы по контрасту противопоставляет рузвельтовскую «прагматику» изначальным «фобиям» Сталина, якобы «опасавшегося», что его деяния в 1930-е гг. могут стать препятствием для достижения необходимого ему уровня доверительных отношений с американским президентом в ходе Тегеранской конференции. По его мнению, инициатива в достижении этого уровня принадлежала именно Рузвельту. «Сталин, конечно, не сомневался, — утверждает он, — что отношение президента к системе, которая его усилиями возобладала в Советском Союзе, крайне отрицательное. Для Рузвельта не могли быть тайной кровавые преступления, произвол, репрессии и аресты в сталинской империи — уничтожение крестьянских хозяйств, насильственная коллективизация, приведшая к страшному голоду и гибели миллионов, гонения на высококвалифицированных специалистов, ученых, писателей, объявленных “вредителями”, истребление талантливых военачальников. Страшные последствия сталинской политики породили на Западе крайне отрицательный образ Советского Союза. Как сложатся отношения с Рузвельтом? Не возникнет ли между ними непреодолимая стена? Смогут ли они преодолеть отчуждение? Эти вопросы не мог не задавать себе Сталин. Думаю, что и президент понимал, сколь важно в создавшейся тогда ситуации найти общий язык с кремлевским диктатором. И он сумел так подойти к Сталину, что этот подозрительный восточный деспот, кажется, поверил в готовность демократического сообщества принять его в свою среду. На первой же встрече с советским лидером Рузвельт попытался создать атмосферу доверительности. Не было никакой натянутости, настороженности, никаких неловких, длительных пауз. Сталин также решил пустить в ход свое обаяние — тут он был большой мастер. До войны наш вождь редко принимал зарубежных политиков и потому не мог иметь соответствующего

---

¹³ Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993. С. 253.

опыта. Но он быстро наверстал упущенное, проявив свои способности уже при встрече с Риббентропом в августе 1939 года»¹⁴.

Так на смену одной мифологии пришла другая, основанная на примитивном и конъюнктурном субъективизме, одобренном характерной для начала 1990-х гг. антикоммунистической риторикой. Впрочем, такого рода риторика в мемуарах Бережкова выглядит второстепенной и вовсе не мешает современному образованному читателю, например, заметить — до какой степени Сталин понимал характер и причины дипломатических уловок Рузвельта, за которыми проглядывали типичные черты поведения, свойственные американскому стилю политики. «Были и у Сталина свои причины для недоверия. Установление Рузвельтом дипломатических отношений с СССР после 16 лет непризнания, его заявление о намерении оказать поддержку борьбе советского народа против нацистской агрессии, готовность президента организовать поставку военных материалов Советскому Союзу — все это можно было записать в актив рузвельтовской администрации. Однако в практике антигитлеровской коалиции было немало фактов, усиливавших подозрительность Сталина по отношению к США. Да и вообще глубоко укоренившаяся в сознании враждебность к капиталистической системе постоянно питала его настороженность. Мне нередко приходилось слышать, как Сталин по разным поводам говорил Молотову: “Рузвельт ссылается на Конгресс. Думает, что я поверю, будто он действительно его боится и потому не может уступить нам. Просто он сам не хочет, а прикрывается Конгрессом. Чепуха! Он — военный лидер, верховный главнокомандующий. Кто посмеет ему возразить? Ему удобно спрятаться за парламент. Но меня-то он не проведет...”. Сталин также не верил, когда на его жалобы по поводу недружественных публикаций по отношению к СССР в американской и английской прессе Рузвельт и Черчилль объясняли, что не могут контролировать газеты и журналы и что даже их самих пресса порой не жалуется. Все это Сталин считал буржуазной уловкой, двойной игрой»¹⁵.

Вряд ли Бережков мог знать, что мнение Сталина разделялось не только многими западными партнерами Рузвельта по антигитлеровской коалиции, но и западными историками. По их мнению,

---

¹⁴ Там же. С. 251.

¹⁵ Там же. С. 253.

«у себя дома Рузвельт был великим военным лидером. Это достижение было, возможно, оценено по достоинству только тогда, когда заметили насколько президенты Гарри Труман в 1950–1951 гг., Линдон Джонсон между 1965–1968 гг., Ричард Никсон в период между 1970 и 1974 гг. и Джордж Буш после 9/11 уступали ФДР по своим характеристикам»¹⁶. Но, разумеется, победу можно было одержать с помощью средств, которые было трудно найти в «демократическом арсенале», и американский президент понимал это настолько хорошо, что уже в 1940 г. «было очевидно, что Черчилль рассматривал Рузвельта как американского диктатора, который мало считался с мнениями конгресса и американского народа... Он полагал, что Рузвельт мог ввергнуть Америку в конфликт в Европе в любое время, когда он пожелает. Французский кабинет очевидно придерживался той же точки зрения»¹⁷.

Как справедливо отмечал Ч. Мэнли в книге «Двадцатилетняя революция от Рузвельта до Эйзенхауэра», «было бы насилием над очевидным утверждать, что любой президент, который смог бы навязывать свою волю как законодательной, так и судебной ветвям управления, является тираном. И все же это было именно тем, что Франклин Д. Рузвельт стремился делать. В 1937 г. он пытался провести своих представителей в Верховный суд США, потому что ему не нравились его решения. В 1938 г. он попытался “подвергнуть чистке” сенаторов-демократов, которые способствовали провалу его схемы комплектации суда. Революционеры эпохи “нового курса” никогда не уповали на конституционное правительство. В своей работе “Промышленная дисциплина и искусство управления”, опубликованной в 1933 г., профессор Рексфорд Гай Тагуэлл писал: “Любой народ, которым необходимо управлять в соответствии с писаными кодексами, инструментально определяющими сферы индивида и группы, государства и акций на федеральном уровне, должен смириться с постоянной своей неспособностью вовремя приспособляться к прогрессу»¹⁸.

¹⁶ *La Feber W.* FDR's Worldviews, 1941–1945 // FDR's World. War, Peace, and Legacies. Edited by David B. Woolner, Warren F. Kimball, and David Reynolds. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 215.

¹⁷ *Tansill Ch. C.* Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy. 1933–1941. Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1971. P. 588.

¹⁸ *Manly Ch.* The Twenty-Year Revolution from Roosevelt to Eisenhower. Chicago: Henry Regnery Company, 1954. P. 63.

Можно ли утверждать, что именно такого рода психологические установки и стиль поведения Рузвельта и других лидеров антигитлеровской коалиции способствовали формированию нового послевоенного порядка, в рамках которого приверженность принципам международного права органически сочеталась с пониманием неизбежности возникновения в будущем непримиримых противоречий и конфликтов между двумя мировыми системами? На наш взгляд, адекватному пониманию этой сложной проблемы, как уже отмечалось выше, может помочь анализ переписки Рузвельта и Сталина, например, по таким кардинальным проблемам, как «польский вопрос» и принципы голосования в Совете Безопасности ООН.

Польская проблема как никакая другая высветила различные аспекты изменения не только в европейской и мировой политике, но и возникновения новой конфигурации и стиля имперской политики, прежде всего, в связи с тем, что после разгрома немецких войск под Сталинградом Сталин уже мог себе позволить более эффективно проводить, теперь уже в отношении союзников по антигитлеровской коалиции, политическую линию, наметившуюся в пакте «Молотова-Риббентропа».

Первым шагом на этом пути стал, как известно, разрыв отношений с эмигрантским правительством Владислава Сикорского в связи с тем, что поляки-эмигранты и немецкие оккупационные власти обратились в Международный Красный Крест с целью организации расследования обстоятельств расстрела польских офицеров под Смоленском («Катынский расстрел») весной 1940 г. В послании, направленном Рузвельту 21 апреля 1943 г., Сталин подчеркивал: «Поведение Польского Правительства в отношении СССР в последнее время Советское Правительство считает совершенно ненормальным, нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств... Для “расследования” привлечен как правительством г. Сикорского, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер. Понятно, что такое “расследование”, осуществляемое к тому же за спиной Советского Правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей. То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского

Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плане, — это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и правительством г. Сикорского имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании»¹⁹.

Оказавшись в сложном положении, Рузвельт вполне откровенно предложил Сталину предоставить У. Черчиллю урегулировать этот вопрос с правительством Сикорского. «Я не могу поверить, — писал он в ответном послании Сталину, — что Сикорский в какой бы то ни было степени сотрудничал с гитлеровскими гангстерами. С моей точки зрения, однако, он сделал ошибку, поставив именно этот вопрос перед Международным Красным Крестом. Кроме того, я склонен думать, что Премьер-Министр Черчилль изыщет пути для того, чтобы убедить Польское Правительство в Лондоне действовать в будущем с более здравым смыслом... Кроме того, у меня в Соединенных Штатах имеется несколько миллионов поляков, из которых большое количество служит в армии и военно-морском флоте. Я могу заверить Вас в том, что все они озлоблены против гитлеровцев. Однако общему положению нельзя помочь известием о полном дипломатическом разрыве между Советским и Польским Правительствами»²⁰.

Сам факт, что американский президент фактически отказался принять непосредственное участие в решении данного вопроса, выдвигая при этом в качестве аргумента свои опасения вызвать недовольство американских поляков, свидетельствовал о его принципиальной установке достигать в том, что касается интересов США, компромисса со Сталиным в решении любой политической проблемы, невзирая ни на пристрастия английского премьер-министра, ни на свои личные чувства, симпатии и антипатии. В конечном итоге такая позиция подвела его на Ялтинской конференции к признанию необходимости как самых крайних уступок в польском вопросе, так и в вопросе о гегемонии СССР в Восточной Европе в послевоенный период.

---

¹⁹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том второй. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (Август 1941 г. — декабрь 1945 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С. 59–60.

²⁰ Там же. С. 60–61.

Такая установка совершенно отчетливо выражена уже в письме Сталину от 11 февраля 1944 г.: «Я самым внимательным образом следил за последними событиями в Ваших отношениях с Польшей. Я считаю, что мне полностью известна Ваша точка зрения по данному вопросу, и поэтому я пользуюсь настоящим случаем для того, чтобы написать Вам о своих соображениях на основе наших переговоров в Тегеране. Позвольте мне прежде всего разъяснить, что я не желаю и не намерен выдвигать предложения или тем более давать Вам в каком-либо отношении советы по поводу того, в чем заключаются интересы России в данном вопросе, так как я полностью осознаю, что будущая безопасность Вашей страны, и это совершенно справедливо, в первую очередь касается Вас. Соображения, которые я собираюсь изложить, вызваны лишь более широкими вопросами, затрагивающими нашу общую цель, к которой мы оба стремимся... Я полностью понимаю Ваше желание иметь дело только с таким Польским Правительством, которому Вы можете доверять и на которое можно рассчитывать в том отношении, что оно установит постоянные дружественные отношения с Советским Союзом. Но я искренне надеюсь, что, пока эта проблема остается все еще неразрешенной, не будет сделано ничего такого, что превратило бы этот особый вопрос в такой вопрос, который пагубно отразился бы на более крупных проблемах будущего международного сотрудничества. В то время как общественное мнение складывается в пользу поддержки принципов международного сотрудничества, наш особый долг состоит в том, чтобы избегать каких-либо действий, которые могли бы помешать достижению нашей главной цели»²¹.

Под «главной целью» Рузвельт, конечно, подразумевал, не только разгром нацистской Германии союзниками, но и дальнейшую перспективу вступления СССР в войну с Японией. Прекрасно понимая это, Сталин отмечал в своем ответном письме: «...Разумеется, правильное решение этого вопроса имеет важное значение как для СССР, так и для нашего общего дела. Здесь имеются два основных пункта: первый — советско-польская граница, второй — состав Польского Правительства... При этом ясно, что Польское Правительство, в котором главную роль играют враждебные Советскому Союзу профашистские империалистические элементы вроде Соснковского и в котором почти

---

²¹ Там же. С. 118–119.

нет демократических элементов, не может иметь почвы в самой Польше и не может, как показал опыт, установить дружественных отношений с соседними демократическими государствами. Естественно, что такое Польское Правительство не в состоянии установить дружественных отношений с Советским Союзом и от него нельзя ждать, чтобы оно не вносило разлада в среду демократических стран, которые, напротив, заинтересованы в укреплении единства между ними. Отсюда следует, что коренное улучшение состава Польского Правительства является назревшей задачей...»²²

Если в польском вопросе столкнулись два традиционных направления политики, восходящие к эпохе разделов Польши во второй половине XVIII в. и Венскому конгрессу, то такие проблемы, как создание ООН и механизм принятия решений в Совете Безопасности, отличались принципиальной новизной и требовали от советского и американского лидеров совсем других подходов к принятию компромиссных решений, от которых в дальнейшем будет зависеть общая конфигурация мировой безопасности.

Разногласия, возникшие при обсуждении данной проблемы, имели не только чисто юридический и политический характер. В своем подходе к ее решению Рузвельт руководствовался и совершенно определенными мировоззренческими установками, которые были ярко выражены в секретном письме Сталину от 9 сентября 1944 г.: «Я имел интересную и приятную беседу с Вашим Послом (А. А. Громыко. — В. Г.) по поводу хода переговоров в Думбартон-Оксе. По-видимому, остается один важный вопрос, по которому мы еще не договорились. Это вопрос о голосовании в Совете. Мы и британцы твердо держимся того взгляда, что при принятии решений Советом спорящие стороны не должны голосовать даже в том случае, если одна из сторон является постоянным членом Совета, в то время как Ваше Правительство, как я понял Вашего Посла, придерживается противоположного взгляда. По традиции, установившейся со времени образования Соединенных Штатов, спорящие стороны никогда не голосовали при разбирательстве их дел. Я уверен, что общественное мнение в Соединенных Штатах никогда не поняло бы и не поддержало бы плана создания Международной организации, в котором нарушался бы этот принцип. Кроме того, мне известно, что многие

²² Там же. С. 120–121.

страны мира придерживаются того же самого взгляда, и я твердо убежден, что малым народам было бы трудно согласиться на Международную организацию, в которой великие державы настаивали бы на праве голосования в Совете при разрешении споров, в которых они сами замешаны. Они почти наверняка усмотрели бы в этом попытку со стороны великих держав поставить себя выше закона. У меня были бы большие неприятности с Сенатом. В силу этих причин я надеюсь, что Вы сочтете возможным поручить Вашей делегации согласиться с нашим предложением о голосовании. Если это можно будет сделать, переговоры в Думбартон-Оксе могут быть быстро закончены с полным и выдающимся успехом»²³.

Ответ Сталина был принципиален, тверд и совершенно лишен на этот раз какого-либо идеологического подтекста: «Получил Ваше послание о переговорах в Думбартон-Оксе. Я также надеюсь, что эти важные переговоры могут закончиться успешно. Это может иметь серьезное значение для дальнейшего укрепления сотрудничества наших стран и для всего дела будущего мира и безопасности. Я должен сказать, что для успеха деятельности Международной организации безопасности немалое значение будет иметь порядок голосования в Совете, имея в виду важность того, чтобы Совет работал на основе принципа согласованности и единогласия четырех ведущих держав по всем вопросам, включая и те, которые непосредственно касаются одной из этих стран. Первоначальное американское предложение о том, чтобы была установлена особая процедура голосования в случае спора, в котором непосредственно замешан один или несколько членов Совета, имеющих статут постоянных членов, мне представляется правильным. В противном случае сведется на нет достигнутое между нами соглашение на Тегеранской конференции, исходящее из принципа обеспечения в первую очередь единства действий четырех держав, необходимого для борьбы с агрессией в будущем. Такое единство предполагает, разумеется, что среди этих держав нет места для взаимных подозрений. Что касается Советского Союза, то он не может также игнорировать наличие некоторых нелепых предрассудков, которые часто мешают действительно объективному отношению к СССР. Да и другие страны должны взвесить последствия, к которым может привести отсутствие

---

²³ Там же. С. 158.

единства у ведущих держав. Я надеюсь, что Вы поймете серьезность высказанных здесь соображений и что мы найдем согласованное решение и в данном вопросе»²⁴.

Более десяти лет назад в предисловии к работе итальянского профессора, известного специалиста в области международного права А. Д. Де Робертиса «Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема 'enforcement' в 1942–1945 гг.», я следующим образом резюмировал политические итоги обмена мнениями между двумя лидерами: «Советская сторона иногда предстает в монографии профессора де Робертиса в виде некоего внешнего, хотя и дружественного в тот момент контрагента, нередко препятствующего, однако, немедленной реализации, в принципе, почти безупречных американских планов. Такого рода односторонность, впрочем, вполне извинительна не только по причине объявленного заранее в названии ограничения изучаемой проблематики. Исследование материалов советских архивов, в том числе министерства обороны, до сих пор представляет для большинства зарубежных ученых слишком трудоемкую, иногда непреодолимую задачу... Тогда, вероятно, разъяснится и причина *неуклюжего* (согласно интерпретации профессора де Робертиса) поведения Андрея Громыко — главы советской делегации на конференции в Думбартон-Оуксе, определившего во время переговоров с будущим госсекретарем Эдвардом Стеттиниусом американско-британское предложение, исходившее из того, «что в любом случае воздерживаться от голосования должен тот член Совета (безопасности. — В. Г.), который оказался в роли одной из сторон обсуждаемого спорного вопроса и что этого критерия должны придерживаться не только выборные и временные члены, но также и постоянные», «как нарушение и отход от того фундаментального принципа, согласно которому наиболее важные решения Организации (Объединенных Наций. — В. Г.) всегда должны приниматься единогласно великими державами»...

То, что Громыко, прозванный впоследствии теми же американцами «господином НЕТ», как и многие другие представители советской элиты не отличался ораторскими способностями и ему была присуща, если выражаться словами автора книги, «тяжеловесность стиля», ни для кого не является тайной. Гораздо важнее понять аргументы руководителя советской делегации по существу.

²⁴ Там же. С. 159.

Попытка устранить любую из великих держав от процедуры голосования в Совете Безопасности в том случае, если она оказывается одной из сторон обсуждаемого там спорного вопроса, как бы основывалась на весьма сомнительной презумпции отсутствия потенциальных серьезных конфликтов между ними в будущем и уже по этой причине была несостоятельной как с теоретической, так и с практической, или исторической, точек зрения. Например, выдвинувшие этот принцип США вообще не признавали официально факт существования СССР вплоть до прихода в Белый дом Рузвельта. Совершенно очевидно, что в тех условиях американская позиция не могла не выглядеть в глазах советских представителей очередной дипломатической уловкой, в перспективе серьезно нарушающей сложившийся баланс сил.

Симпатии автора книги, при всем его стремлении сохранять объективность и нейтральный тон, конечно, находятся на стороне американских «*planificatori*», т. е. «составителей планов». Но было бы уместным при этом вспомнить, что и между Великобританией и США отношения долгое время были далеко не простыми. Но, после того как Черчилль в очередной раз все же предпочел Америку «открытому морю», у СССР уже не могло быть уверенности в том, что в Совете Безопасности при ограничении права вето эти две великие державы не смогут всегда получить организованное большинство практически по любому спорному вопросу.

При анализе позиций сторон в Думбартон Оуксе следует учитывать не только реальное восприятие ими сложившегося соотношения сил, но и особенности идеологического видения мира. В этом плане попытка Рузвельта в своем личном послании Сталину убедить последнего при помощи ссылки на «отцов-основателей» американской нации и на принципы англосаксонской правовой системы, запрещающие любой из сторон в спорном вопросе быть судьей в собственном деле... пересмотреть свою позицию в вопросе о голосовании в Совете Безопасности выглядит или как наивность высшего порядка (во что крайне трудно поверить), или как своеобразный тонкий дипломатический ход. Ведь американский президент, достаточно умудренный жизненным опытом, не мог не знать, что советский лидер чтит совсем других «отцов-основателей» государства, которым он безраздельно управлял и которое в это время находилось на вершине своего исторического триумфа.

Автор, никак не комментируя в своей книге обстоятельства долгой советско-американской дипломатической дуэли, тем

не менее мастерски и вполне объективно фиксирует ее неизбежный результат. Уже 9 октября 1944 г. госсекретарь Корделл Халл в своей декларации признал, что проект соглашения четырех великих держав «не мог представлять собой ничего другого, кроме максимального общего знаменателя ориентаций каждой из них»... Месяц спустя в документе, подготовленном службой по специальным политическим делам госдепартамента, и будущему госсекретарю Стеттиниусу, и президенту Рузвельту была разъяснена правомерность советской позиции в проблеме права голосования в Совете Безопасности по спорным вопросам как отвечающая если не в строго юридическом, то в политическом плане в том числе и собственным американским интересам... Во время встречи со Стеттиниусом Рузвельт также заявил, «что в конечном счете США не могут согласиться увидеть себя лишенными права голоса ни по одному важному вопросу, в который они окажутся вовлеченными».

Тем самым был не только открыт путь к разумному компромиссу, но было также молчаливо признано, что сформулированные в «Статьях Федералиста» и в других трудах «отцов-основателей» американского государства идеи далеко не всегда оказывались приемлемыми в сфере американской внешней политики. Например, из них никак нельзя вывести ни случаев продажи американскими «бизнесменами» через третьи страны воюющей с США нацистской Германии авиамоторов и топлива, ни попыток начать за спиной советского союзника переговоры (Даллес-Вольф) о наиболее благоприятных для западных стран условиях капитуляции Германии, ни, наконец, того, ставшего уже общеизвестным, факта, что сам Рузвельт, заранее предупрежденный о возможности нападения японцев на Пирл-Харбор, позволил событиям развиваться своим чередом как будто по заранее задуманному плану, осуществление которого сделало США в итоге воюющей стороной и союзником СССР»²⁵.

Какие же образы Рузвельта являются более адекватными и соответствующими действительности? Те, которые, возникали на страницах российских газет, журналов, монографий и мему-

---

²⁵ *Де Робертис А. Д.* Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема 'enforcement' в 1942–1945 гг. / Перевод с итал. и ред. проф. В. А. Гуторова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 8–10.

аров или же в переписке со Сталиным? Для ответа на данные вопросы необходимо, на наш взгляд, руководствоваться принципом *audiatur et altera pars*, смысл которого в данном случае заключается в презумпции объективного, неидеологического подхода к сравнению исторических образов американского президента в России и на Западе. Только следуя по этому пути, можно в конечном итоге понять — каким же все-таки политиком и человеком был Франклин Делано Рузвельт, как и когда он приобрел те качества, которые в военные годы превратили его в политического лидера мирового уровня.

По своему социальному происхождению он принадлежал к высшему слою нью-йоркской землевладельческой элиты, на всю жизнь сохранил привычку мыслить иерархическими категориями, и его представления о прогрессе почти всегда имели патерналистский оттенок. «В расовом вопросе он был человеком своего времени и своего класса, который принимал нормы отношений черных и белых у себя дома и был склонен к расистским ремаркам о зарубежных лидерах»²⁶. Будучи по своему воспитанию типичным человеком XIX в., глубоко усвоившим наследие западноевропейской цивилизации и в юности любившим путешествовать по Европе, он вполне естественно воспринимал Британию, Францию и Россию как страны, оставившие глубокий след в истории. Его отношение к нацизму и Гитлеру, несомненно, определялись и усвоенным с юности предубеждением против милитаристской природы претензий на мировое лидерство страны, объединение которой состоялось за десятилетие с небольшим до его рождения.

На его отношение к старым государствам Европы не могли не влиять и те радикальные перемены, которые происходили уже в период его президентства. Например, военная катастрофа, постигшая Францию в 1940 г., не могла прибавить его уважения к правящим кругам этой страны и в дальнейшем влияла и на его восприятие деятельности ген. де Голля. Он испытывал глубокую антипатию к колониализму западноевропейских держав, в особенности — британскому. Он рассматривал США как первое

---

²⁶ Introduction // *FDR's World. War, Peace, and Legacies*. Edited by David B. Woolner, Warren F. Kimball, and David Reynolds. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 2–3; см. также: *Thomas J. M. Roosevelt and Franco during the Second World War. From the Spanish Civil War to Pearl Harbor*. New York: Palgrave Macmillan, 2008.

пост-колониальное государство, знаменующее собой новую эпоху исторического «отката» от империи. Интерес Рузвельта к Китаю также в немалой степени определялся пониманием значения древней китайской цивилизации в мировой истории. Соответственно, по контрасту он воспринимал современную ему Японию как безжалостную экспансионистскую державу, развязавшую войну с Китаем в 1895 г.

В годы «холодной войны» Рузвельт и Черчилль часто подвергались на Западе критике за их поведение со Сталиным. Ялтинская конференция, состоявшаяся в феврале 1945 г., воспринималась как «Мюнхен военного времени», т. е. как синоним позорного примирения²⁷. Такого рода упреки выглядели странно хотя бы по той простой причине, что даже в чисто конъюнктурном плане создание «восточного блока» было результатом не дипломатических уступок, но той военной стратегии, которой Великобритания и США придерживались в 1942–1943 гг. Именно план «войны на истощение», в необходимости реализации которого Черчилль убедил Рузвельта, а также непредвиденные задержки с захватом Северной Африки и Италии привели к тому, что исход сухопутной войны решался преимущественно на восточном фронте. Между июнем 1941 г. до июня 1944 г. 93 процента военных потерь германских вооруженных сил были вызваны сражениями именно на этом фронте (4,2 млн убитых, раненых и пропавших без вести против 329 000 на других фронтах). Победы советских войск в Восточной и Центральной Европе не делали «холодную войну» неизбежной, но предопределили геополитическую ситуацию после 1945 г.²⁸

Тем не менее в январе 1943 г. в Касабланке Рузвельт сформулировал доктрину тотальной победы. К лету 1943 г., когда советские войска вступили на территорию Украины, а западные союзники готовились высадиться в Италии, стало ясно, что, в отличие от Первой мировой войны, новая война закончится не только

---

²⁷ См. подр.: *Reynolds D. From World War to Cold War. Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s.* Oxford: Oxford University Press, 2006.

²⁸ *Ibid.* P. 235 sq.; см. также: *Germany and the Second World War.* Edited by the *Militaergeschichtliches Forschungsamt* (Research Institute for Military History). Potsdam, Germany. Volume VI *Global War. Widening of the Conflict into a World War and the Shift of the Initiative 1941–1943.* Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 1174 sq.

разгромом, но и оккупацией Германии. Необходимость координированной политики становилась особенно настоятельной, что и обусловило череду встреч и конференций — октябрьской конференции министров иностранных дел и встречу «большой тройки» в Тегеране. В ноябре 1943 г. лидеры Великобритании и США уже ясно осознавали, что в лице СССР они имеют равного партнера в решении судьбы Европы.

В этот сложный период Рузвельт довольно резко отметал возникавшие повсеместно подозрения относительно того, что Сталин полон решимости доминировать во всей Европе с помощью оружия и коммунистической пропаганды. «Напротив, как подчеркивал историк Уоррен Ф. Кимбалл, Президент стремился привлечь Советский Союз в то, что он называл “семейным кругом” и сделать его одним из “полисменов”, которые будут обеспечивать мир и стабильность в послевоенном мире. В Лондоне кооперативный инстинкт воплощался в Энтони Идене и многих старых чиновниках Форин Оффиса, которые верили в необходимость создания рабочих отношений с Советским Союзом. В феврале 1943 г. Иден говорил послу в Москве, что “для облегчения и поощрения сотрудничества с Советами в послевоенном устройстве... существенно, чтобы правительство Его Величества обращалось с советским правительством как с партнером”. Черчилль колебался между этими двумя позициями»²⁹.

В своем радиообращении к американскому народу 23 декабря 1943 г. Рузвельт в свойственной ему своеобразной манере подвел итог сформулированной им политической линии: «Конференции в Каире и Тегеране предоставили мне... первую возможность встретиться с генералиссимусом Чан-Кайши и маршалом Сталиным, сидеть за одним столом с этими непобедимыми людьми и говорить с ними лицом к лицу. Мы планировали говорить друг с другом в Каире и Тегеране по разные стороны стола. Но вскоре оказалось, что мы все вместе сидим по одну сторону стола. Мы прибыли на конференции с верой друг в друга. И теперь мы дополнили веру определенным знанием»³⁰.

Данная речь может восприниматься как часть той международной «образовательной программы», в рамках которой

---

²⁹ Reynolds D. From World War to Cold War. P. 237.

³⁰ The Fireside Chats of Franklin Delano Roosevelt. Radio addresses to the American people broadcast between 1933 and 1944 // Bibliolife. 2008. P. 141.

американский президент стремился «научить американцев тому, что глобальная география, в особенности когда она рассматривается с точки зрения [географических] полюсов, требует интернациональной, а не просто пан-американской перспективы, с соответствующей структурой внешней политики»³¹. Тем самым он концептуализировал те принципы, которые были им сформулированы еще в предвоенный период. 6 января 1941 г., т. е. примерно за год до вступления США в войну, в своем обращении к конгрессу и американскому народу Рузвельт утверждал, что адекватно функционирующее международное сообщество должно теперь требовать «мира, основанного на четырех существенных человеческих свободах»: свободе речи «повсюду в мире», «свободе каждой личности повсеместно в мире веровать в Бога своим собственным образом», «свободе от нужды... повсеместно в мире» и «свободе от страха... повсеместно в мире»³².

Примечательны также и другие части этой речи, в которых президент доказывал, что безопасность предыдущих «девяносто девяти лет» закончилась. «Без всякой предвзятости, — говорил он конгрессменам за одиннадцать месяцев до атаки на Пирл-Харбор, — мы намерены повсеместно оказывать полную поддержку всем решительным народам, которые сопротивляются агрессии... Этой поддержкой мы выражаем свою уверенность в том, что дело демократии восторжествует»³³.

В период войны, особенно ближе к ее окончанию, Рузвельт неоднократно доказывал способность реализовывать свои декларативные принципы на практике, проявляя качества великого политика и дипломата. Характер переписки Рузвельта и Сталина отчетливо демонстрирует — сколько интеллектуальных сил, терпения и дипломатического искусства потребовалось для достижения компромисса между СССР и США при создании ООН и эффективной структуры Совета Безопасности. В наши дни опыт также свидетельствует, что начать разрушать эти структуры оказалось не менее легко, чем это было когда-то сделано с Лигой Наций.

И Рузвельт, и Сталин оказались достаточно прозорливыми, подчеркивая на конференции в Ялте, что механизм новой между-

---

³¹ *La Feber W. FDR's Worldviews, 1941–1945. P. 215–216.*

³² *Ibid. P. 216.*

³³ *Ibid.*

народной организации призван гарантировать мир, по крайней мере на ближайшие пятьдесят лет. И действительно, именно на шестом десятке лет ее существования совершенное США и некоторыми их западноевропейскими союзниками нападение на Югославию в обход ООН и Совета Безопасности, равно как и продемонстрированное США в сентябре 2002 г. явное намерение осуществлять военные акции против Ирака, не считаясь даже со своими ближайшими партнерами по НАТО, выразившееся, в частности, в бесцеремонном заявлении госсекретаря Колина Пауэлла, что США начнут военные действия, даже если не удастся получить на это санкцию ООН, означают, что наступил новый период мировой истории, который, увы, может отбросить цивилизованные народы к уже, казалось бы, давно пройденным эпохам.

Именно поэтому приводимые автором слова из обращения Рузвельта к конгрессу США 1 марта 1945 г. о том, что конференция в Крыму, окончательно санкционировавшая создание ООН, означает «конец системы односторонних действий, монопольных альянсов, сфер влияния, равновесия сил и всех прочих уловок, которые были испробованы на протяжении веков и потерпели банкротство»³⁴, теперь уже кажутся столь же далекими от современной американской внешней политики, как эпоха похода ахейцев на Троию. Эпитафией к этому обращению, ставшему, по существу, политическим завещанием вскоре умершего американского президента, звучат слова того же Пауэлла, сказанные во время слушаний в комитете по иностранным делам палаты представителей по поводу предстоящих военных действий против Ирака: «В случае если Совет Безопасности проявит неспособность к решительным действиям, Соединенные Штаты должны располагать возможностью действовать в одностороннем порядке»³⁵.

В дипломатических переговорах с советской стороной Рузвельт и его ближайшие сподвижники, защищая интересы своей страны и западного мира, стремились следовать принципам равенства и партнерства. Это равенство было основано не на их добрых пожеланиях, хотя и последние имели место как результат признания исторического и политического значения совместного опыта

---

³⁴ См.: *Де Робертис А. Д.* Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. С. 8.

³⁵ Там же.

борьбы с нацизмом, а на реальном соотношении сил, в первую очередь военно-стратегических.

Сочетание в позиции Рузвельта идеализма (источником которого было своеобразное объединение принципов «Статей федералиста» и джеффесоновской «Декларации независимости» с традицией унаследованной им из идей Вудро Вильсона, которые он когда-то разделял) и глубинного реалистического видения мировой политики составляют в наши дни основу «рузвельтовского мифа», который до сих пор является предметом теоретических и политических спекуляций.

Попытки более трезвого научного подхода к наследию Рузвельта, включавшие в себя и стремление к преодолению стереотипов популярной политической мифологии, возникли вскоре после окончания Второй мировой войны. Так, Джон Флинн в объемном сочинении «Рузвельтовский миф», опубликованном в 1948 г., стремился выявить ряд принципиальных аберраций, которые возникли еще в эпоху «нового курса» и в послевоенный продолжали оказывать воздействие на общественное сознание. «Многие добрые люди в Америке, — писал он, — все еще лелеют иллюзию, в соответствии с которой Рузвельт совершил некий удивительный подвиг, связанный с возрождением этой страны. Они верят, что он взял нашу экономическую систему, когда она была в высшей степени расстроена, и снова возвратил ее к жизни... Он встал на сторону непривилегированных масс. Он передал власть простому рабочему народу Америки, забрав ее у крупнейших корпоративных баронов. Он обуздал авантюристов с Уолл-стрит и дал безопасность простым мужчинам и женщинам этой страны. И что превыше всего, он провел нас через великую войну за демократию и свободу и спас цивилизацию в Европе. Но ни одна из этих прокламаций не является состоятельной. Он не восстановил жизненность нашей экономической системы. Он ее изменил. Система, в которую он нас ошибочно втолкнул, является гораздо более похожей на управляемую и бюрократизированную, опирающуюся на государственную поддержку систему, существовавшую в Германии перед Первой мировой войной, чем на наш собственный традиционный порядок. До этого режима мы жили в системе, развитие которой зависело от частной инвестиции в частное предприятие. Теперь мы живем в системе, развитие и жизнеспособность которой зависит от правительства. Это было предвоенное европейское заимствование, импортированное в тот

момент, когда эта система достигла полнейшей дезинтеграции в самой Европе»³⁶.

Обоснованная Флинном концепция трансформации американской экономической и политической системы, проводимой администрацией Рузвельта в период, начиная с «нового курса» и вплоть до завершающего этапа Второй мировой войны, действительно имеет некоторые аналогии с немецким опытом времен Бисмарка. История становления объединенной Германии как индустриальной державы была отмечена не только формированием новых государственных механизмов экономического и политического управления, но и достижением идеологического консенсуса, весьма схожего с тем, которого Рузвельт добился в военный период.

Успешное решение Бисмарком задачи объединения либералов и консерваторов на платформе национализма имело далеко идущие последствия, в первую очередь для модификации либеральной политической теории. В 1962 г. один из наиболее выдающихся представителей современного либерализма Л. фон Мизес отмечал в предисловии к англоязычному изданию своей всемирно известной книги «Либерализм в классической традиции» (1927): «Те, кто знаком с сочинениями по вопросу о либерализме, которые появились в последние несколько лет, а также с современным лингвистическим словоупотреблением, может быть, заметят следующее: то, что называется либерализмом в настоящем труде, не совпадает с тем, что подразумевается под этим термином в современной политической литературе»³⁷.

В предисловии к новейшему изданию книги фон Мизеса его автор Б. Гривс приводит, в частности, характеристику современного либерала, данную сенатором конгресса США Д. Кларком: «Чтобы избавиться от призрака и перестать думать о семантике, либералом... считается тот, кто верит в использование всей силы правительства для прогресса социальной, политической и экономической справедливости на муниципальном, государственном, национальном и международном уровнях... Либерал верит, что правительство является подходящим орудием, которое надо

---

³⁶ *Flynn J. T.* The Roosevelt Myth. New York: The Devin-Adair Company, 1948. P. 413–414.

³⁷ *Mises L. von.* Liberalism in the Classical Tradition. Irvington, New York: Foundation for Economic Education, 1985. P. 198.

использовать для развития общества, стремящегося придать христианским принципам поведения практический эффект»³⁸.

Комментируя многочисленные определения такого рода, уже давно вошедшие в обиход, сам Л. фон Мизес вполне справедливо отмечал: «Пожалуй, удивительно, что подобные идеи в этой стране рассматриваются как специфически американские, как продолжение принципов и философии отцов-пилигримов, тех, кто подписал Декларацию независимости, авторов конституции и “Статей федералиста”. Только немногие люди понимают, что эта будто бы прогрессивная политика родилась в Европе и что наиболее блестящим ее сторонником в девятнадцатом веке был Бисмарк, политику которого ни один американец не назвал бы ни прогрессивной, ни либеральной. Бисмарковская Sozialpolitik была освящена в 1881 г., более чем за пятьдесят лет до ее воспроизведения в “новом курсе” Ф. Д. Рузвельта. Следуя за пробудившейся Германской империей — тогда наиболее могущественной державой — все европейские промышленные нации в большей или меньшей степени приняли систему, которая претендовала на то, чтобы благодетельствовать массы за счет меньшинства “суровых индивидуалистов”. Поколение, которое достигло возраста, разрешающего принимать участие в голосовании, после окончания Первой мировой войны, принимали этатизм как нечто само собой разумеющееся и испытывали только презрение к “буржуазному предрассудку” — свободе»³⁹.

Возможно ли на основе такого рода теоретической интерпретации считать Франклина Делано Рузвельта главным «виновником» эволюции США в военный период в направлении формирования государственного капитализма с соответствующими механизмами бюрократического управления и идеологической мимикрии? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. О том, что результатом эволюции данного типа стало формирование в западных обществах со второй половины XX в. достаточно высокого уровня идейно-политического консенсуса, в равной степени свидетельствует и западноевропейский, и североамериканский опыт. Ограничиваясь защитой лишь наиболее общих ценностей западной цивилизации и не затрагивая ни глубинных основ мировоззрения, ни даже политических предпочтений,

---

³⁸ Ibid. P. V.

³⁹ Ibid. P. XVII.

этот консенсус является вполне достаточным основанием для формирования многообразных идеологических гибридов. Исходные предпосылки, определяющие закономерный характер такого рода эволюции, были сформулированы западными социологами и политическими теоретиками еще в 1950–1960-е гг., когда тенденция к усилению планирования в экономической и социальной сфере с неизбежностью вновь выдвинула вопрос о новых принципах государственного регулирования.

Рассматривая эту тенденцию, французский социолог Ж. Эллюль, разделявший многие аспекты консервативной традиции, в начале 1960-х гг. пришел к следующим принципиально важным выводам: «Я готов признать, что в идеальном обществе связь между планом и государством не является необходимой, равно как и то, что необходимость в наказаниях исчезает в том случае, когда индивид существует сам по себе. Но это не заставляет меня верить в такой идеал и принимать его в качестве реальности. Фактически, я только отмечаю, что техника знания порождает и делает необходимой технику действия, а техника действия предполагает определенные условия и направления развития в соответствии с истинным законом, который может быть назван законом расширения планирования. Такое расширение планирования не обязательно приводит к социалистическому обществу. Частная собственность на средства производства не нуждается в изменении, чтобы иметь плановую экономику. Равным образом, планирование не порождает с необходимостью диктаторское государство. Использование санкций и пропаганда могут быть приспособлены к иным формам, чем диктатуры. Но когда техника вторгается в определенную область в связи с планированием, то она полностью воздействует на всю структуру ее управления. Бесполезно устанавливать для нее пределы или искать какие-либо другие процедурные формы... Представляется, что сегодня мы не можем избежать фактов. И факты направляют нас в сторону плановой экономики, независимо от наших теоретических суждений по данной проблеме. Часто также ставится вопрос — возможно ли, после долгих периодов плановой экономики, повернуть эту тенденцию в противоположном направлении. Но это уже другая проблема»⁴⁰.

---

⁴⁰ *Ellul J.* The Technological Society. New York: Vintage Book, 1964. P. 183–184.

До известной степени Ж. Эллюль действительно оказался пророком: через пятнадцать лет после выхода в свет его книги «Технологическое общество» такой вопрос был не только поставлен западноевропейскими и американскими неоконсерваторами, но и были предприняты энергичные попытки повернуть вспять тенденцию ведущей роли государства в экономическом планировании. Для американских неоконсерваторов рейгановской эпохи фигура и деятельность Рузвельта, естественно, были синонимом того типа политики, который они не могли и не хотели принять. Но это свидетельствует только о том, что рузвельтовская политика времен Второй мировой войны по-прежнему является одним из важнейших элементов и экономического развития, и интеллектуального прогресса.

Представляемое собрание российских текстов, помимо чисто познавательных целей, определяется стремлением внести посильный вклад в решение и другой задачи, а именно — способствовать преодолению мифов и идеологических стереотипов, в создании которых отечественная мысль и наука вольно или невольно принимали когда-то участие.

